

Пастухов Николай Иванович

**Разбойник Чуркин народное
сказание "Старого знакомого"**

Часть 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Иванович П.**
Разбойник Чуркин народное сказание "Старого знакомого": Часть 1 / Пастухов Николай Иванович – М.: Книга по Требованию, 2023. – 269 с.

ISBN 978-5-521-27337-9

ISBN 978-5-521-27337-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Москвичи, вѣроятно, слышали о знаменитомъ разбойникѣ Василии Чуркинѣ, въ свое время наводившемъ паническій страхъ своими смѣлыми набѣгами, разбоями и грабежами на жителей Богородскаго уѣзда и сосѣднихъ съ нимъ уѣздовъ губерній Владимірской, Рязанской и другихъ. Онъ — уроженецъ подмосковной деревни Барской, Богородскаго уѣзда, брюнетъ, выше средняго роста, плотнаго тѣлосложенія, широкоплечій, быстрый и смѣлый въ своихъ движеніяхъ, какъ тигръ. Подъ командой такого-то человѣка была цѣлая шайка головорѣзовъ, бѣжавшихъ съ каторги. Разгуливалъ по Богородскому уѣзду, Чуркинъ имѣлъ свою полицію, состоящую изъ пастуховъ Зубцовскаго уѣзда и нѣкоторыхъ крестьянъ, съ которыми онъ водилъ хлѣбъ-соль. Вотъ о немъ-то я и хочу повѣдать читателямъ и рассказать его замѣчательныя похищенія.

Съ молодыхъ лѣтъ, разбойникъ этотъ началъ заниматься сбытомъ фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ и кражами; три раза онъ бѣгалъ изъ-подъ стражи и наконецъ, по рѣшенію Владимірскаго окружнаго суда, какъ намъ помнится, въ 1873 году, былъ заключенъ въ арестантскія роты. Но недолго онъ погостилъ тамъ: однажды выбрать удобный случай и бѣжалъ оттуда.

Вся полиція Владимірской и Московской губерніи была поставлена на ноги для розысковъ этого атлета. Да и какъ было его не разыскивать! Кромѣ преступленій, совершенныхъ имъ во Владимірской губерніи, онъ находился подъ слѣдствіемъ у одного судебнаго слѣдователя Москвы за сбытъ фальшивыхъ денегъ и за составленіе разбойничьихъ шаяекъ. Слѣдователь Богородскаго уѣзда разыскивалъ его, по обвиненію въ кражѣ двухъ коровъ и лошадей у крестьянина деревни Антоновой и въ убійствѣ сельскаго старосты деревни Лиховой, Петра Кирова.

Во время розысковъ разбойника, до полиціи доходили слу-

хи, что его видѣли, то въ той, то въ другой деревнѣ, но схватить не могли или-же боялись. Однажды становой приставъ 1-го стана Богородскаго уѣзда, какъ-то случайно, въ августѣ мѣсяцѣ того-же года, пріѣхалъ на Фаустовскую станцію Рязанской желѣзной дороги и, войдя въ залъ, замѣтилъ у буфета знакомую ему фигуру человѣка, который какъ будто старался быть не узнааннымъ имъ. Становой не разъ видалъ Чуркина и потому сейчасъ узналъ его въ личности, стоящей у буфета. Ударивъ разбойника по плечу, становой громко сказалъ:

— Здорово, Чуркинъ!

— Здравія желаемъ, отвѣчалъ тотъ, снявъ съ головы картузъ и низко кланяясь ему.

— Какъ ты сюда попалъ, любезный? Мы тебя давно ужъ ищемъ!

— Ну, вотъ, берите теперь, если я вамъ нуженъ.

— Попался, братъ, извини, теперь ужъ не улизнешь!

— Быть по вашему; не теперь, такъ послѣ убѣгу, отвѣчалъ разбойникъ, глотая стаканъ водки.

Около буфета сгруппировалась толпа любопытныхъ, съ какою-то жадностію вглядывавшихся въ лицо смѣлоразбойника, который теперь стоялъ передъ нею, какъ листъ передъ травой, поглядывая на всѣхъ волкомъ. Онъ понялъ, что сопротивляться было невозможно, и отдался безпрекословно въ руки становому. Наряженъ былъ усиленный конвой сотскихъ и крестьянъ, вооруженныхъ дубинами; достали гдѣ-то кандалы, сковали Чуркина по рукамъ и по ногамъ и отправили въ г. Богородскъ, гдѣ судебный слѣдователь распорядился посадить его въ мѣстную тюрьму.

— Въ общую прикажите? спросили у слѣдователя.

— Нѣтъ, зачѣмъ-же! Ему нужно оказать почетъ, посадите его въ одиночную камеру.

— Покорно благодарю, ваше благородіе, за такое ко мнѣ вниманіе, сказалъ Чуркинъ и отправился на казенную квартиру.

— Никого не пускать къ нему на свиданіе! приказалъ за тѣмъ слѣдователь полицейскимъ.

— А если родные пожелаютъ съ нимъ повидаться?

— Никого не допускать! повторилъ слѣдователь.

Опустивъ на грудь голову, шелъ Чуркинъ по направленію

къ тюрьмѣ. Въ головѣ его роились мысли о томъ, какимъ-бы это образомъ, находясь въ одиночной камерѣ, перекинуться нѣсколькими словами съ арестантами и узнать, каковъ у нихъ смотритель тюрьмы. Съ этими мыслями онъ и вошелъ въ мѣсто своего новаго жительства.

Сидитъ Чуркинъ въ] тюрьмѣ день, сидитъ недѣлю, и никакъ не изловчится повидаться съ своими сосѣдями-арестантами. Тогда онъ прикинулся ягненкомъ, сошелся съ тюремщиками, и вотъ, благодаря ихъ ходатайству, его выпустили въ корридоръ.

Арестанты знали Чуркина и, какъ своего атамана, встрѣтили съ необычайнымъ уваженіемъ; увидавъ въ числѣ ихъ знакомаго ему арестанта, Балабасова, онъ мигнулъ другимъ, чтобы они отошли къ сторонкѣ, что тѣ и сдѣлали. Балабасовъ былъ извѣстный воръ; рука его ни разу не дрогнула передъ своей жертвою, хотя-бы пришлось пролить ея кровь. Чуркинъ хорошо это зналъ, а потому и вступилъ съ нимъ въ бесѣду.

— А что, каковъ у васъ смотритель? спросилъ Чуркинъ.

— Ничего, баринъ хорошій.

— Приношенія принимаетъ?

— Да, не отказывается.

— Вотъ это-то мнѣ и нужно было знать. Правду-ли ты только говоришь, какъ-бы дѣла-то не испортить?

— Вѣрно; что мнѣ тебя обманывать, отвѣчалъ Балабасовъ.

— А можно отсюда женѣ грамотку послать?

— Я думаю, можно—чрезъ тюремщика.

— Если смотрителю дать какой-нибудь подарокъ, дозволить онъ или нѣтъ мнѣ съ женой видѣться?

— Дозволить: къ другимъ допускаетъ, мы видимъ.

— Что-жъ ему подарить?

— Сукна нѣмецкаго на сюртукъ, да рубликовъ пять денегъ, и будетъ на первый разъ.

— Ну, а бумажкой и карандашемъ; можно у васъ раздобыться?

— Есть, сейчасъ доставлю, тихо сказалъ Балабасовъ и скрылся въ общую камеру.

Получивъ бумагу и карандашъ, разбойникъ отправился въ свою камеру, написалъ записку женѣ по извѣстному адресу, на одинъ изъ городскихъ постоянныхъ дворовъ, передалъ ее Балабасову, а тотъ упросилъ тюремщика доставить вѣсточку по назначенію.

На другой день, утромъ, хитрая молоденькая жена Чуркина вошла въ квартиру смотрителя тюрьмы; тотъ вышелъ къ ней и, увидавъ въ рукахъ ея узелокъ, спросилъ:

— Ты что, голубушка, скажешь?

— Къ вамъ, ваше благородіе, съ прошеніемъ пришла, ска- зала та.

— О чемъ такое?

— Мужъ мой въ острогѣ сидитъ, повидаться съ нимъ же- лала-бы.

— Кто твой мужъ?

— Василій Чуркинъ.

— Разбойникъ-то этотъ! Нѣтъ, допустить не могу.

— Будь отецъ родной, хотъ одинъ разокъ дозволю его ви- дѣть; какой онъ разбойникъ, напраслину на него только взво- дятъ, потряхивая узелкомъ, кланялась въ поясъ баба.

— Что это къ нему въ сверткѣ-то несешь?

— Это не къ нему, родимый, а тебѣ подарочекъ принесла, подавая ему узелокъ, вкрадчивымъ голосомъ заговорила хит- рая женщина.

Смотритель взялъ у ней узелокъ, отправился съ нимъ въ дру- гую комнату, развернулъ его и, увидавъ въ немъ аршина три чернаго сукна и пяти рублевую бумажку, почесалъ за ухомъ, постоялъ немножко и, возвратившись къ челобитчицѣ, ска- залъ:

— Приходи завтра, увидишься съ нимъ.

Черезъ нѣсколько минутъ Чуркинъ уже зналъ о благопріят- номъ исходѣ задуманнаго имъ дѣла и все поглядывалъ, не взойдетъ-ли въ корридоръ его жена. Но пришедшій затѣмъ смотритель сказалъ ему:

— Твоя жена проситъ у меня позволенія повидаться съ тобой.

— Не откажите, ваше благородіе, мнѣ надо съ ней о до- машнихъ дѣлахъ переговорить, да распоряженія кое-какія дать, кланяясь, упрасивалъ Чуркинъ смотрителя Жданова.

— Хорошо; завтра я велѣлъ ей приходить.

— Покорнѣйше васъ благодарю, отвѣчалъ разбойникъ изъ- за рѣшетки.

Прошла почъ, въ продолженіи которой Чуркинъ обдумывалъ свои планы къ побѣгу. „Подпилить рѣшетку“, думалъ онъ, „хотя и можно, но спуститься изъ верхняго этажа на тюрем-

ный дворъ—рискованно. Надо придумать что-нибудь другое, попроще, благо, смотритель податливъ⁴. Съ такими мыслями онъ уснулъ на зарѣ. Вскорѣ его разбудилъ тюремщикъ, сказавшій, что къ нему пришла жена его.

Чуркинъ быстро поднялся съ своей койки, подошелъ къ дверямъ и чрезъ маленькое отверстіе переговорилъ съ женою. Тюремщикъ стоялъ въ это время въ отдаленіи.

— Ты скажи брату моему, чтобы онъ вмѣстѣ съ тобою побывалъ у меня, говорилъ разбойникъ женѣ своей.

— Пустятъ-ли его?

— Попроси смотрителя.

— Хорошо, сказала баба и ушла.

Братъ Чуркина былъ тоже мошенникъ первой степени и состоялъ подъ его командою, какъ главный головорѣзъ, готовый на всякія преступленія.

Съ этого дня, жена Чуркина пользовалась всевозможнымъ снисхожденіемъ смотрителя; навѣщала его по праздничнымъ днямъ, дарила ему деньги, а затѣмъ уже допускалась по буднямъ къ мужу, да не къ рѣшеткѣ, а прямо въ камеру. Тюремщики, стоявшіе на часахъ, замѣтивъ частое посѣщеніе ея острога, останавливали ее и спрашивали:

— Ты къ кому?

— Я къ смотрителю въ гости, отвѣчала она.

Подъ такимъ предлогомъ она ходила болѣе недѣли. Однажды она наскочила на смѣтливаго солдатика, который не хотѣлъ пропустить ее, но хитрая женщина и тутъ нашлась что сказать.

— Я кухарка смотрителя, объявила она тюремщику.

— Врешь, я сейчасъ справлюсь.

Доложили смотрителю; онъ велѣлъ ее пропустить, и съ тѣхъ поръ она сдѣлалась въ тюрьмѣ извѣстной и, подъ видомъ кухарки начальника тюрьмы, носила все, что только было можно, и никто ее не останавливалъ.

Чуркинъ сошелся съ смотрителемъ, какъ говорится, „по душамъ“; кушанье для него приготовлялось на кухнѣ смотрителя и подавалось ему отдѣльно отъ прочихъ арестантовъ; смотритель самъ носилъ излюбленному имъ разбойнику водку, вмѣстѣ пилъ съ нимъ, словомъ, они сдѣлались неразрывными друзьями. Арестанты смотрѣли сначала на ихъ дружбу, какъ на обыкновенное явленіе, благодаря взяткамъ, а потомъ стали

приставать къ смотрителю, требуя, чтобы онъ и имъ давалъ водки.

— Этого не полагается, отвѣчалъ онъ имъ.

— Какъ не полагается? Отчего-же Чуркину можно? кричали они.

Смотритель все-таки отклонялъ разнымъ образомъ ихъ требованія, но однажды, войдя въ камеру Чуркина, сказалъ ему:

— Каковы мошенники, узнали, что я тебѣ водку доставляю!

— Кто это такое?

— Арестанты. „Даешь“, говорятъ, „ему, такъ и намъ дай водочки-то“.

— Нѣтъ, этого не дѣлайте; я хотѣлъ вамъ сказать, чтобы вы ко мнѣ перестали ходить, а то донесутъ, все будетъ потеряно.

— А на счетъ водки какъ-же быть?

— Приплите мнѣ веревочку подлиннѣе, я буду спускать ее въ форточку окна, а какъ вы привяжите къ ней посудину, я ее и подтяну къ себѣ.

Смотритель согласился на такое предложеніе, и съ этого дня, въ камеру разбойника пересталъ ходить, а водку передавалъ ему самолично черезъ форточку.

Однажды жена Чуркина вошла въ тюрьму съ громаднымъ узломъ. Надзиратель тюрьмы, безсрочно - отпускной рядовой Платоновъ, встрѣтилъ ее въ воротахъ и проводилъ въ квартиру смотрителя. На возвратномъ пути, находившійся въ караулѣ за старшаго унтеръ-офицеръ уѣздной команды Кутайсовъ остановилъ Платонова и спросилъ:

— Что это за женщина, которую ты провожалъ?

— Это кухарка смотрителя, отвѣтилъ тотъ.

Черезъ нѣсколько минутъ, жена Чуркина вышла изъ тюрьмы, но уже безъ узла. Кутайсовъ проводилъ ее глазами, думая: „здѣсь что-нибудь неладно“, но только этимъ и закончилъ свое подозрѣніе.

Дружба смотрителя съ Чуркинымъ продолжалась до тѣхъ поръ, пока послѣдній удовлетворялъ его подарками и деньгами. 27 ноября, къ Чуркину пришла жена его съ братомъ разбойника; смотритель зналъ о томъ и, войдя въ корридоръ тюрьмы и увидавъ ихъ разговаривающими, накинулся на брата Чуркина и сталъ его выгонять изъ тюрьмы вмѣстѣ съ сестрою. Тѣ начали было ему возражать; тогда смотритель,

разгорячившись, началъ бить бабу, затѣмъ нанесъ нѣсколь-
ко ударовъ кулакомъ по шеѣ брату Чуркина, выпроваживая
его вонъ изъ тюрьмы. Чуркинъ въ это время сидѣлъ въ ка-
мерѣ и, узнавъ въ чемъ дѣло, крикнулъ смотрителю:

— Что вы деретесь, вѣдь деньги берете; такъ поступать
стыдно!

Смотритель обругалъ Чуркина, выпроводилъ пришедшихъ
къ нему жену и брата, а слѣдомъ за ними вышелъ и самъ.

Такъ рушилась дружба между смотрителемъ и арестантомъ
Чуркинымъ.

Все, что происходило въ тюрьмѣ, донесено было высшему
начальству, которое и назначило слѣдствіе. Смотритель Жда-
новъ, не желая давать никакихъ объясненій, скрылся неиз-
вѣстно куда; исправленіе должности его было поручено по-
лицейскому надзирателю Окшѣ Хайцевовскому.

9-го декабря, арестантъ Гавриловъ, занимавшійся разнос-
кою кушанья по секретнымъ камерамъ, по уходѣ посѣтите-
лей, бывшихъ у арестантовъ, отправился собирать посуду
изъ-подъ кушанья. Подойдя къ камерамъ и не найдя при нихъ
надзирателя Галюзу, который имѣлъ при себѣ ключи отъ ка-
зематовъ, Гавриловъ пошелъ его отыскивать; заставъ Галюзу
обѣдающимъ въ особой комнатѣ, онъ велѣлъ ему отпереть
камеру для того, будто-бы, чтобы взять посуду.

Тотъ исполнилъ требованіе. Гавриловъ, войдя въ камеру
Чуркина, окликнулъ его, но отвѣта не послѣдовало.

— Гдѣ-же арестантъ? крикнулъ онъ Галюзѣ, стоявшему въ
корридорѣ.

— Дрыхнетъ, должно быть, отвѣчалъ тотъ, не входя въ
камеру.

Гавриловъ подошелъ къ койкѣ арестанта; на ней дѣй-
ствительно, какъ показалось ему, лежалъ арестантъ, накры-
вшись съ головой полушубкомъ, изъ-подъ котораго виднѣлся
сапогъ.

— Эй, ты, вставай! Вишь, съ какихъ поръ завалился! сказалъ
Гавриловъ, взявшись за торчавшій изъ-подъ полушубка са-
погъ, который такъ и остался въ рукѣ его.

Гавриловъ поднялъ тревогу; встрепенулся весь караулъ
тюрьмы. Въ камеру Чуркина собралось все начальство и уви-
дало, что на постели, вмѣсто арестанта, лежалъ свернутый
матрасъ, накрытый полушубкомъ.

По городу и по уѣзду въ погоню за Чурнинымъ были командированы полицейскіе служители; начальникъ воинской команды, съ своей стороны, послалъ съ тою-же цѣлью нижнихъ чиновъ; даже пожарная команда занялась розысками разбойника. Въ уѣздѣ были отправлены нарочные съ приказомъ задержать Чуркина. Словомъ, поднялась такая суматоха, что весь городъ былъ въ страшной тревогѣ. Жители усилили за своими домами наблюденіе, опасаясь, какъ-бы Чуркинъ не надѣлалъ какой-нибудь бѣды. Въ самой-же тюрьмѣ произошелъ бунтъ.

II.

Власти г. Богородска не знали, куда броситься. Надо было имъ, и ловить бѣжавшаго разбойника Чуркина, и унимать взбунтовавшихся въ острогѣ арестантовъ. Исправника въ городѣ не было: онъ ѣздилъ на фабрику Кондрашева для осмотра заготовленной тамъ для рабочихъ не совсѣмъ-то хорошей солонины. Нѣсколько посланныхъ являлись въ квартиру начальника уѣзда, но возвращались съ отвѣтомъ: „нѣтъ, еще не пріѣзжали“.

Но вотъ съ одного конца Богородска послышался звонъ колокольчика; онъ все ближе и ближе раздавался въ ушахъ горожанъ, и наконецъ небольшой тарантасикъ остановился передъ крыльцомъ домика, въ которомъ жилъ исправникъ. Только что онъ успѣлъ войти въ переднюю своей квартиры и снять шинель, какъ позади его раздался голосъ прибѣжавшаго изъ тюрьмы солдатика:

— Ваше высокородіе, у насъ въ замкѣ неблагополучно!

— Что такое случилось? спросилъ озадаченный исправникъ.

— Чуркинъ бѣжалъ, и арестанты бунтуютъ. Пожалуйте!

Исправникъ снова накинулъ на себя шинель и, не подозревавшій даже съ семействомъ, сбѣжалъ по лѣстницѣ, вышелъ на улицу, сѣлъ въ свой тарантасикъ, который кучеръ не успѣлъ еще задвинуть на дворъ, и поѣхалъ въ тюремный замокъ. Дорогою попался ему на встрѣчу его помощникъ; лошади на минуту были остановлены; тотъ, какъ кошка, вскочилъ въ тарантасъ и передалъ кое-какъ о случившемся исправнику.

Въ тотъ моментъ, когда исправникъ входилъ въ зданіе

камеръ, на встрѣчу къ нему бѣжало нѣсколько арестантовъ съ неистовымъ крикомъ. Это были Балабасовъ, Девѣтъ, Михайловъ и Самохинъ.

— Стой, куда вы! крикнуть на нихъ исправникъ.

— Насъ бьютъ, ваше благородіе! виопыхахъ отвѣчали они.

— Кто бьетъ?

— Всѣ бьютъ; видите, насъ окровинили.

— Команда сюда! раздался голосъ исправника.

Каравулъ явиться не замедлилъ и сталъ въ ружье.

— Что вы дѣлаете? грозно прикрикнулъ исправникъ на наступающихъ арестантовъ, за что вы ихъ бьете?

— Стоять они того, ваше благородіе, отвѣчали тѣ.

— Успокойтесь и расскажите, въ чемъ дѣло?

— Чуркинъ убѣжалъ, а они были помощниками въ его побѣгъ.

— Ну, хорошо, ступайте по мѣстамъ, я все разберу.

— Слушаемъ, ваше благородіе, сказали они и успокоились.

Исправникъ собралъ всѣхъ надзирателей и тюремщиковъ около себя и спросилъ у нихъ:

— Какъ могъ убѣжать Чуркинъ? Что онъ рѣшетку, что-ли, подпилилъ или выломалъ?

— Никакъ нѣтъ, изъ подъ замка скрылся, отвѣчали они.

— Что-жь, онъ сквозъ полъ, что-ли, провалился?

— Нѣтъ, полъ находится въ сохранности.

— Значить, его выпустили?

— Не можемъ знать; ушелъ и платье свое оставилъ.

— Голый, что-ли, онъ убѣжалъ?

— Кто его знаетъ.

— Галюза, что-жь ты молчишь? у тебя отъ его камеры ключи были?

— Точно такъ, у меня, сказалъ тотъ.

— Камера заперта была?

— Да, заперта.

— Ваше благородіе, онъ переодѣлся въ женское платье и вышелъ изъ тюрьмы, вмѣстѣ съ посѣтителями, никѣмъ не замѣченнымъ, послышался голосъ изъ толпы арестантовъ.

— Подп сюда, кто говорить!

Отвѣта не было; всѣ молчали, и впередъ никто изъ арестантовъ не выдвигался. Никому изъ нихъ не было охоты

быть прямымъ доносителемъ, изъ опасенія побоевъ отъ своихъ собратьевъ.

— Гдѣ-же онъ платье досталъ?

— Оно давно было принесено и сохранялось въ квартирѣ бывшаго смотрителя, снова послышался голосъ изъ толпы арестантовъ.

— Галюза, ты во всемъ виноватъ! горячился исправникъ.

— Нѣтъ, я тутъ не при чемъ.

— Всѣхъ подъ судъ отдамъ! кричалъ исправникъ, шагая взадъ и впередъ по корридору.

Въ такихъ распросахъ прошло не менѣе часа, и наконецъ выведено было заключеніе, что Чуркинъ бѣжалъ при помощи тюремной стражи, изъ числа которой многіе были отданы подъ судъ.

Вскорѣ послѣ побѣга Чуркина изъ Владимірскихъ арестанскихъ ротъ, бѣжали оттуда-же еще четыре арестанта: это были: Александръ Вошинъ, Сергѣй Пѣговъ, Иванъ Сергѣевъ и Константинъ Новиковъ; они были соучастники въ злодѣяніяхъ Чуркина. Первые двое изъ нихъ были вскорѣ пойманы въ Покровскомъ уѣздѣ, а Сергѣевъ и Новиковъ пропали безслѣдно.

Розыски Чуркина не имѣли никакого успѣха. Такъ прошла осень и зима. Въ маѣ мѣсяцѣ 1874 года, въ Богородско-уѣздѣ, начали производиться кражи и грабежи. Это были дѣянія Чуркина и его шайки. До свѣдѣнія полиціи стали доходить слухи, что къ шайкѣ этого разбойника присоединились бѣжавшіе изъ Владимірскихъ арестантскихъ ротъ головорѣзы—Сергѣевъ и Новиковъ.

Для устраненія набѣговъ и грабежей на селенія и охраненія дорогъ, начальство распорядилось устроить въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Теренинской и Запоторской волостей пикеты, поставивъ на каждый изъ нихъ по три человека; наблюденіе за этими пикетами поручено было волостнымъ старшинамъ и станovýmъ приставамъ перваго и втораго стана.

Чуркинъ, съ своей стороны, успѣлъ распространить по деревнямъ свой устный циркуляръ, заключающійся въ томъ, что если кто изъ крестьянъ будетъ его преслѣдовать или вознамѣрится взять живымъ, то будетъ убитъ его приверженцами, а деревня, изъ которой окажутся такіе люди, будетъ